

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ –
КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель	Душа-потемки
Звезда на одну роль	Тот, кто придет за тобой
Венчание со страхом	Демоны без ангелов
Прощание с кошмаром	Валькирия в черном
Темный инстинкт	Когда боги закрывают глаза
Все оттенки черного	Девять воплощений кошки
Зеркало для невидимки	Яд-шоколад
Врата ночи	Невеста вечности
На randevу с тенью	Колесница времени
Улыбка химеры	Падший ангел за левым плечом
Готическая коллекция	Призрак Безымянного переулка
Ключ от миража	Пейзаж с чудовищем
29 отравленных принцев	Грехи и мифы Патриарших прудов
Флердоранж – аромат траура	Созвездие Хаоса
Молчание сфинкса	Часы, идущие назад
Рodeo для прекрасных дам	Светлый путь в никуда
Дамоклов меч над звездным тронem	Умру вместе с тобой
Рейтинг темного божества	Циклоп и нимфа
Прощай, Византия!	Последняя истина, последняя страсть
Сон над бездной	Перекресток трех дорог
Царство Флоры	Имеющий уши, да услышит
Предсказание – End	Великая иллюзия
Драконы ночи	Коридор затмений
Black & Red	Мойры сплели свои нити
Пир на закате солнца	Корень зла среди трав
Три богини судьбы	Храм Темного предка
ДНК неземной любви	

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Молчание
сфинкса

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Молчание сфинкса / Татьяна Степанова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-212538-6

Старинное предание гласит — несметные сокровища, спрятанные в усадьбе, достанутся лишь тому, кто лишит жизни священника, красавицу, мастера... Разве найдется в наше рациональное время человек, который поверит во всю эту чепуху? Но в усадьбе Лесное происходят жуткие вещи: погиб местный священник, убита красивая женщина... Начальник отдела убийств Никита Колосов и сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская не сомневаются — преступник на этом не остановится. Надо вычислить его как можно быстрее. Сделать это поможет древнее заветное, оберегающее клад: оно прямо указывает, кто станет следующей жертвой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-212538-6

Глава 1

ПОРТРЕТ

Жить среди красивых вещей очень приятно. Умирать больно. Досадно и страшно обидно. Как же так? Вы уходите, а это все остается. Кому? Например, вот этот малахитовый столик эпохи рококо или те каминные часы стиля ампир? Кому отойдут они? Кто будет их новым счастливым владельцем? И кто, в свою очередь, под зов последней трубы сыграет в ящик, оставив эти вещи, эти чудесные роскошные вещи — все равно как, по завещанию, или просто в рамках гражданского законодательства — следующему? А тот другому, третьему, десятому, сотому. И так до бесконечности в длинной веренице поколений наследников, хозяев, а по сути своей лишь временных хранителей вещей, которые с каждым годом, с каждым веком становятся из просто ценных — бесценными и начинают жить своей собственной жизнью, от которой лишь один шаг до вечности.

Такие мысли о вещах и о вечном могут неожиданно-негаданно прийти на ум если не на кладбище, так только в музее. Или в антикварном салоне. Причем лишь человеку, предрасположенному к раздумьям такого рода и крайне сентиментальному. Сергей Мещерский таковым и был, но сам себе в этом никогда не признавался. В принципе все объяснялось обычной хандрой. Тоской по дому, что случается только у москвичей и только в одном месте на свете — в Питере в разгар бабьего лета, когда Нева по утрам уже дышит туманами и ощутимой прохладой, а в полдень нестерпимо для глаз смотреть на сияющий шпиль Адмиралтейства, протыкающий солнце насквозь.

Сергей Мещерский был уверен: москвичам Питер противопоказан. Приезжать в Питер вредно. Тем более одному, без никого. Ровно три дня назад еще в Москвематушке он звонил жене своего закадычного друга Вадима Кравченко Кате и спрашивал у нее... точнее, просто интересовался... выяснял как бы мимоходом, небрежно, не хочет ли и она (естественно, вместе с мужем — куда же без друга Вадима?) поехать в Питер.

В итоге Сергей Мещерский посетил Северную Пальмиру в гордом одиночестве. Причина поездки была сугубо деловой. Турфирма «Столичный географический клуб», которой Мещерский за неимением прочих увлечений и привязанностей отдавал всего себя без остатка, давно уже пустила на берегах Невы свои цепкие корни.

— Кстати о корнях, Сергуня. Только здесь я чувствую себя самым собой, понимаешь? Только здесь. В Москве с некоторых пор для меня, Ивана Лыкова, стало трудно держаться в рамках. Так и тянет заявить о себе каким-нибудь варварством. На худой конец разбить что-то где-то — витрину в баре или чей-нибудь череп.

Это замечание спугнуло и дополнило мысли — Мещерский рассеянно кивнул: да, да, но зачем же так, к чему? Удивительно, но одиночество его в Северной столице продолжалось недолго. Именно на Невском сразу по приезде он буквально нос к носу столкнулся со своим старым знакомым и одновременно дальним родственником Иваном Лыковым, с которым в Москве не встречался, наверное, сто лет.

Лыков не спеша, вразвалочку, с видом скучающего туриста брел по Невскому от витрины к витрине вместе со своей сестрой Анной, с которой у Мещерского была отдельная история.

С Анечкой Лыковой Мещерского пять лет назад активно знакомила, а фактически неназойливо сватала тетя Женя, точнее, как звала ее за глаза вся родня, «всеобщая тетя Евгения Александровна». Все дело было, конечно, в родне и в предках. Если в наше время вы вдруг обнаружите, что среди ваших пращуров имеются дворяне, вы с

полуслова поймете, о чем речь. Если не поймете — ваше счастье.

О том, что он прямой потомок славного рода князей Мещерских, Сергей Мещерский всерьез вспомнил только однажды — на заре перестройки. Потом все как-то рассосалось и перешло в иную плоскость. Однако всеобщая тетушка Евгения Александровна не забывала об этом факте никогда. Она, эта ходячая родословная энциклопедия Москвы, помнила также, что и среди предков Ивана Лыкова и его старшей сестры Анны тоже некогда ходили удельные князья. Лыковы — старинный боярский род, происходивший по поместным книгам от легендарного князя Лычко, некогда вышедшего из Угорской земли.

Предком все Лыковы гордились, но вот известный писатель — советский граф Алексей Толстой подложил им всем в своем знаменитом «Петре Первом» большую свинью, написав, что, мол, черт его видел этого Лычко, как он там вышел откуда-то. И в результате возникло сомнение. Правда, тогда, когда советским графом был написан знаменитый роман, особой уязвленности князя Лыковы, в основном сидевшие по тюрьмам и лагерям, по поводу этих обидных сомнений не испытывали. В то время иметь лучше было среди предков не удельного князя, не ближнего боярина времен Алексея Михайловича, а пьяницу-молотобойца с какого-нибудь завода Михельсона. Неприятностей и проблем куда как меньше.

И надо же было случиться такому, что по закону подлости спустя полвека на вступительных экзаменах в МГУ последнему из рода князей Лыковых — Ивану Лыкову достался билет по литературе именно с вопросом о злополучном романе, где происхождение его легендарного предка бралось под сомнение. Потомок князя Лычко громко хлопнул дверью университетской аудитории. В результате чего экзамен в МГУ провалил и поступил в автомеханический институт по остаточному принципу. По окончании института, и это хорошо было известно Мещерскому, он получил распределение на ЗИЛ, вкалывал там инженером-механиком, но нового слова в отечест-

венном автомобилестроении так и не сказал. И все по причине своего характера.

Странная была натура у Ивана Лыкова. Для Сергея Мещерского, знавшего его с детства, он всегда был немножко загадкой. Другое дело его сестра Анна. С ней Мещерский был в ровных приятельских отношениях до тех пор, пока из прозрачных намеков всеобщей тетушки Евгении Александровны не понял, куда на самом деле дует ветер. Ощущение, когда вас настырно сватает ваша досужая родня, а вы этого сватовства не хотите, то еще.

Анна была старше Мещерского на три года. Она была славной милой девушкой. Она прилежно училась в университете, страстно увлекалась всем, чем увлекались ее сверстницы: кришнаитами, Интернетом, хай-теком, дизайном, суши. Когда в моде стал «винтаж», она, урожденная княгиня Лыкова, нашла себе наконец работу по душе и по зарплате в небольшом, но чрезвычайно престижном антикварном салоне на Сивцевом Вражке.

Если уж быть совсем в доску честным, Мещерский вынужден был признать, что ту давнюю заветную мечту всеобщей тетушки о счастливом соединении двух старых дворянских родов Анна Лыкова восприняла довольно равнодушно. Затея эта не удалась, к взаимному облегчению сторон. И неожиданная встреча с Анной на Невском не всколыхнула никаких романтических воспоминаний.

Встретились, удивились, обрадовались, потрепались всласть, как все москвичи в революционной колыбели на Неве. Про антикварный аукцион, традиционно проводимый в сентябре, Мещерский узнал от Лыковых — они как раз на него и приехали и направлялись в выставочный салон в этот солнечный погожий денек бабьего лета.

— Сережа, ты по-прежнему географические карты собираешь? — спросила Аня... нет, теперь, через столько лет, конечно, Анна (если не Анна Николаевна) Лыкова. — Я помню, я все про тебя помню. На аукцион несколько лотов выставляется — тебе наверняка будет интересно взглянуть.

Географическими картами, а тем более старыми, Ме-

шерского можно было заманить куда угодно, не только в антикварный салон.

Еще по дороге он отметил: Анна за эти годы, что они не виделись, изменилась. Она всегда была девушкой, скорей способной понравиться мужчине, чем не понравиться. Но, оказывается, есть огромная разница между двадцатилетней студенткой и тридцатилетним преуспевающим менеджером антикварного бутика на Сивцевом Вражке. Разница во всем — в прическе, манере разговаривать, одеваться, выбирать духи, аксессуары, лак для ногтей.

Кто ни капельки не изменился, так это Ваня Лыков. Как вставил себе пять лет назад серьгу в ухо, намотал на шею яркий кашемировый шарф, сделал наколку в виде дракона, так и все это до сих пор при нем.

— Сергуня, глянь туда. Да оторвись ты от этой трехверстки!

Мещерский аж вздрогнул: он рассматривал выставленную в качестве лота рукописную карту китайской границы, составленную для герцога Бирона агентом Лангом, посланным с тайной миссией на Дальний Восток в восемнадцатом веке. А Ваня, нет, наверное, тоже уже не Ваня, а Иван Лыков стоял у окна, выходявшего на набережную Невы. В выставочном зале аукциона в этот неурочный полуденный час почти не было посетителей, только несколько иностранцев. А на той стороне набережной напротив дома, где помещался антикварный салон, на фоне серо-гранитной Невы и ярко-голубого неба четко выделялся трехэтажный красный особняк. Осеннее солнце отражалось во всех его зеркальных окнах, спелым багрянцем окрашивало медную, заново перекрытую крышу.

До революции этот особняк принадлежал князьям Лыковым, потом там располагалось военное училище, затем райком комсомола, а сейчас вот какой-то банк. Особняк менялся и менял владельцев. Но и на фоне светлого квадрата окна с выделяющимся в солнечной дымке утраченным родовым гнездом последний потомок рода Лыковых был все таким же...

— Сергуня, кстати, о корнях. Только здесь я чувствую себя тем, кто я есть, понимаешь? А в Москве с некоторых пор мне...

— Интересно, Иван, а кто изображен на этом портрете? — спросил Мещерский, чтобы Лыкова уж совсем не заносило насчет Москвы, Запада, заката Европы и прочего.

— На каком еще портрете?

— На том самом, что ты так дотошно только что разглядывал? — Мещерский кивком указал на картину, висевшую среди других полотен, выставленных в качестве лотов.

Вернисаж был подобран пестрый: от жиденьких пасторальных пейзажиков в стиле модерн до посредственных копий итальянцев и голландцев. Все рассчитано на среднесостоятельного покупателя.

Картина, которая с самого начала особенно привлекла внимание Лыкова (на остальные лоты он почти и не смотрел), была довольно тусклым женским портретом первой трети восемнадцатого века, писанным маслом. На портрете была изображена дама в напудренном парике, в платье с фижмами времен императрицы Елизаветы Петровны, вместе с арапчонком в ливрее. Смелое декольте, пудра и парик не скрывали, а, наоборот, подчеркивали возраст дамы — желчное, властное выражение лица, первые признаки увядания, ум, опытность и ледяное презрение в темных глазах.

Арапчонок, нарисованный внизу холста, больше смахивал на дьяволенка, чем на ребенка, — столько злого сарказма и жестокости было в чертах его темно-шоколадного сморщенного личика.

Но, как заметил Мещерский, Ивана Лыкова в этой картине интересовали не столько лица изображенных, сколько их костюмы. Наряд дамы был из серебристой парчи. К лифу алмазным аграфом с вензелем Елизаветы была приколотая алая фрейлинская лента. Кроме аграфа, на платье виднелось и еще одно массивное драгоценное украшение: подвеска в виде кораблика — гондолы, укра-

шенная крупными жемчужинами и самоцветами. Эта подвеска совершенно не гармонировала с платьем. Она словно попала на портрет из другого века.

— Нравится? — усмехнулся Лыков. — Тебе она нравится?

— Чей это портрет? — повторил Мещерский.

— В каталоге значится, что это русская копия с итальянского оригинала, — ответила за брата Анна Лыкова. — Это портрет Марии Бестужевой, жены вице-канцлера и придворной фрейлины Елизаветы. Копия довольно слабая. Рисовал ее, скорее всего, какой-нибудь крепостной художник, учился копировать фамильные портреты.

— Неужели эту мегеру кто-то купит? — усомнился Мещерский. — Неприятное какое лицо, и краски мрачные.

— Купят, — ответила Анна, — лоты восемнадцатого века редкость на наших аукционах. Купят, повесят в гостиной над диваном.

— Салтыков купит, — сказал Иван Лыков. — Видишь, Аня, как точно я называю имя будущего покупателя. — Он помолчал, многозначительно поглядывая то на отчего-то сразу смутившуюся сестру, то на удивленного Мещерского. — А что, Сергуня, ты разве не в курсе, что он снова приехал? Что он уже с начала лета в Москве обретается? И, по-моему, на этот раз возвращаться в Париж не собирается.

— Ты не знал, что Роман... Роман Валерьянович здесь? — спросила Мещерского Анна. — Ты совсем не интересуешься нашими общими родственниками, Сережа.

Насчет общих родственников Анна немножко слукавила. Мещерский усмехнулся про себя. Салтыковы, Лыковы и Мещерские действительно были близкой родней, но... почти век назад. Предки Салтыкова после революции эмигрировали. Предки Мещерского и Лыковых остались. С Романом Салтыковым Мещерский впервые встретился в Париже несколько лет назад. Затем Салтыков приезжал в Россию, на свою историческую родину, и они встречались снова в качестве дальних родственников

в Москве. Роман Салтыков был старше Мещерского на двенадцать лет, по-русски говорил свободно, но с акцентом, был женат, имел детей.

— А в Лесном, между прочим, работы полным ходом идут все лето, — сообщил Лыков, — Салтыков столько бабкок вбухал в этот проект. А сколько всего было-то? Никто ведь не верил. Не верили даже, что разрешат. Ни в фонде культуры не верили, ни в монархическом союзе... Не верили, что дом отдадут в аренду. А сейчас там уже реставрируют вовсю. Вот что значит бабки немереные и европейская упертость: решил — сделал. Мы бы с тобой, Сергуня, дорогой, давно бы руки опустили, плюнули, а Салтыков — нет, настоял. Решил проблемы. И фонд культуры добро дал, и министерство, и администрация. Между прочим, мы там с Аней часто бываем, в Лесном, у Романа Валерьяновича в гостях. От тебя ему привет передать по-родственному?

— Да, конечно, передай. Я рад, что Роман приехал, — Мещерский улыбнулся. — А почему ты говоришь, что никто не верил в его затею с возрождением усадьбы?

— Потому что знаю. Никто не верил. Одни глупостью считали, другие блажью богатого придурка. А придурок-то сделал всех нас. Да, да, в первую очередь нас с тобой, Сергуня. Приехал и показал, каким орлом можно быть. Как дела обделывать насчет реституции. Как верить в то, во что никто не верит. Как это сказано: каждому по вере его, да? — Лыков словно злился на кого-то за что-то. Он смотрел на портрет дамы с арапчонком, висевший среди других лотов не избалованного питерской публикой антикварного аукциона, и злился. — А между прочим, при Елизавете Лесное принадлежало вот этой самой Бестужевой, — сказал он, но уже совсем иным тоном. — Она тоже Роману Валерьяновичу в какой-то мере родственница. А значит, и нам с тобой родня-с. Жизнь у нее бурная была, на готический роман потянула бы.

Мещерский только пожал плечами. О портрете и об этом разговоре с Лыковым он почти сразу же забыл, как только они распрощались там, в Питере, где каждый по-

шел в свою сторону по своим делам. Однако вспомнить все это Мещерскому пришлось. И неожиданно скоро — едва он вернулся в Москву.

Глава 2

СВЯЩЕННИК

Говорят, что глаза жертвы хранят отражение убийцы: загляни — и увидишь кто. Чувствую все это. В мертвых глазах не отражается ничего. Даже вечное небо, даже белые облака в мертвых глазах увидеть нельзя. Не похожи на зеркало мертвые глаза. Вообще не похожи ни на что живое. Потому-то, наверное, так неприятно и страшно заглядывать в глаза мертвецу.

Начальник отдела убийств ГУВД Московской области Никита Колосов наклонился, провел ладонью по холодному, влажному от моросящего дождя лицу убитого. Кому-то ведь надо выполнить этот долг — закрыть, ощущая колкость ресниц.

Осмотр места происшествия приходилось делать под непрекращающимся дождем, в быстро по-осеннему наступающей темноте, при скупом свете фар дежурной милицейской «Волги». В этом деле все уже было не гладко, не так, как надо с самого начала: место, время, освещение, погодные условия. Но самые большие проблемы — и Никита Колосов чувствовал это — обещала сама личность убитого.

— Это отец Дмитрий, настоятель церкви мучеников Флора и Лавра в Тутышах, — сказал Колосову дежурный по главку. — Сколько лет у нас таких случаев не было. И вот, пожалуйста, дождались. Хлебнем теперь с этим делом досыта.

Убийство священника было делом действительно редким. На памяти Колосова такое случилось лишь однажды, когда он только начинал работать в уголовном розыске. Еще на пути в эти самые Тутыши он знал, кого навер-

няка застанет на этом сенсационном происшествии. И он не ошибся.

Машина главковского пресс-центра даже опередила его. А в группе милиционеров в дождевиках резко выделялась до боли знакомая фигурка под красным зонтом. Словно тоненький и ужасно деловой гриб-мухомор. Криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Екатерина Сергеевна Петровская (по мужу Кравченко) уже была здесь, на месте. Тихонько, без суеты расспрашивала начальника местного отделения милиции Николая Кулешова о том, что случилось. Как и Колосов, Катя в этих самых Тутышах оказалась впервые. Однако в сгущающихся сумерках и оглядеться по сторонам толком было невозможно. Желтые пятна света от автомобильных фар вырывали из дождевой смурной пелены лишь небольшой участок с распростертым на земле мертвым телом.

Колосов смотрел на труп и отчего-то медлил начинать осмотр. Священник. Старик. Седые волосы, седая аккуратная борода. Руки широко раскинuty. Левая накрепко вцепилась в комок глины. Справа от тела примерно в метре — пухлый кожаный портфель, тоже весь в глине. И эта чудная одежда. Непривычная. Ряса, что ли, или как она там называется, похожая на коричневое одеяло...

— Кто его обнаружил? — спросил он Кулешова. — В котором часу?

— В 20.40 рейсовый автобус из Коломны пришел по расписанию. Пассажиры, что здесь сошли, — наши здешние, с молокозавода мужики — вот их фамилии, я записал для следователя, они и наткнулись. Там у нас автобусная остановка, — Кулешов махнул куда-то в темноту, откуда доносилось слабое эхо оживленной автомобильной трассы. — Этой дорогой все здешние ходят с автобуса — и на молокозавод, и в Тутыши, и в Воздвиженское, и в Лесное. В Лесное, правда, подальше и свернуть еще надо.

— Давность наступления смерти — четыре часа. Его убили около шести вечера, — сообщил патологоанатом. — Никита Михайлович, давайте его осторожно перевернем. Я вам покажу рану.

Перевернули. Перед тем как тронуть труп с места, Колосов и закрыл ему глаза. Мертвое старческое лицо, иссеченное морщинами, борода, усы.

Затылок был раздроблен.

— Черепно-мозговая травма, она и стала причиной мгновенной смерти, — сказал эксперт. — Ударили, видимо...

— Обухом топора?

Это громко, тревожно спросила Катя. Колосов обернулся через плечо. Катя близко к трупу не подходила. Жалась в сторонке под этим своим смешным красным зонтом-мухомором. Рядом с ней стоял оператор телестудии Марголин. Ладил камеру — снимать, скорей все снимать. Катя зонтом прикрывала от дождя не столько себя — камеру, всевидящее око.

Насчет этого самого обуха топора она спросила неспроста. Все это поняли. Переглянулись. В Подмоскovie уже было одно убийство священника, о котором вскоре узнала вся страна. В том деле фигурировал топор. А дело так и повисло глухарем.

— Нет, нет, это не топор, — патологоанатом словно обрадовался чему-то, заспешил. — Удар нанесен сзади, с силой, человеком чуть выше среднего роста. Но это не топор. Похоже на монтировку или свинцовую дубинку.

— Или на кусок трубы. — Колосов присел, начал, светя себе карманным фонарем, осматривать рану. Осторожно ощупал череп. Рядом с головой мертвеца валялась испачканная глиной и кровью бархатная фиолетовая шапочка непривычного покроя. Колосов вспомнил, что священники носят вроде бы какие-то скуфы. Это и есть скуфья? Или это клубок?

— Как он тут оказался, зачем? Выяснили? — спросил он у начальника отделения милиции Кулешова.

— Выясняем. Я двоих своих сотрудников послал в церковь и домой к нему, — ответил тот.

— У него кто из родственников есть? Жена, дети? — продолжал спрашивать Колосов.

— Жена у него умерла давно. Бездетные они. Но у него полон дом родни, все старухи: сестра с ним прожи-

вает, потом теща — этой вообще чуть ли не сто лет, и еще приживалки — тетки какие-то троюродные. Их дети родные в дом престарелых сбагрили. А отец Дмитрий к себе взял. — Кулешов вздохнул. — Эх, жалко мужика! Хороший старик был. У меня почти пол-отделения крестники его.

— Тут жилье какое-нибудь поблизости есть? — спросил Колосов. — Свидетелей для начала будем искать. Может, кто-то крики о помощи слышал, видел что-то. В шесть вечера еще не так темно было. Значит, это обычный путь здесь у вас с автобуса?

— Самый обычный. А жилья тут особо близко нет никакого. Летом дорога-то торная, машины часто ходят — дачники на пруды в Лесное купаться ездят, когда жарко. Ну а осенью народа почти нет — только свои, кто на автобус к расписанию идет.

— В шесть часов, в начале седьмого автобусы по расписанию есть?

— Даже два — один с Москвы, экспресс, но по требованию всегда тут останавливается, и с Бронниц. Коломенский приходит в половине шестого. Но часто бывает, что опаздывает. Только вряд ли бы он поехал в Коломну на ночь-то глядя, в шесть вечера, — Кулешов с сомнением покачал головой.

— А что у него в портфеле? — подала голос Катя.

Колосов снова оглянулся. Этот кожаный портфель рядом с телом. Он тоже создавал проблемы. Портфель, что бы там в нем ни было, не взяли. Судя по всему, даже не открыли его, не притронулись. Значит, это было не ограбление. Значит, дело не в каком-то залетном забулдыге, подкарауливающем на осенней сельской дороге редких прохожих.

Но портфель он открыл не сразу. Сначала вместе с патологоанатомом, следователем прокуратуры и оперативниками они тщательно осмотрели тело, ища другие повреждения. Но, кроме раны на голове, ничего не было — ни садин, ни ушибов, ни синяков.

Под коричневой шерстяной рясой у отца Дмитрия

оказался толстый мохеровый джемпер и суконные брюки. Осмотр вроде бы шел как обычно, по всем правилам, как и в десятках и сотнях других происшествий, но все-таки и тут что-то было не так, нехорошо, неладно. Колосов чувствовал странное смущение и дискомфорт, когда они осматривали, разоблачали, раздевали этот труп, ища следы ударов, побоев. Священник был совсем особой жертвой.

— Марголин, убери камеру, — тихо сказал Колосов ретиво сунувшемуся вперед оператору пресс-центра.

— Мне надо снять.

— Убери камеру, пожалуйста.

— Но мне надо снять осмотр! — Марголин повысил голос.

— Пожалуйста, сделай, как тебя просят, — тоже тихо, как Колосов, сказала ему Катя. — Никита, ты зря тревожишься, эта пленка никуда не пойдет, пока... пока вы не раскроете. Потом вам самим же съемка места пригодится. Если хочешь, я тебе эту кассету прямо сейчас отдам.

Катя была, что называется, кругом права: они делали свою работу. И пленка действительно пригодилась бы розыску, но...

— Это все-таки поп как-никак, — буркнул он.

Катя тревожно взглянула на него.

— Выключи пока камеру, — обернулась она к Марголину. — Потом они закончат осматривать, приведут одежду в порядок, тогда продолжишь.

— Да в чем, собственно, дело? — недовольно спросил Марголин. — Что не так-то?

— Все так. Но это священник, — повторил Колосов. — Эх, попа нам только и не хватало. Давайте остальные машины сюда фарами развернем. А то темно, как в яме. Территорию осветим.

Катя, прикрывшись зонтом, побежала, заскользила по глине к машине. Через пять минут света стало больше, но и тьма, окружающая место происшествия, словно еще больше налилась чернотой. Колосов огляделся по сторонам: вот ведь кругом не пустыня, не тайга, не лес дрему-

чий — живописное дачное место в родимом Подмосковье. Оживленная Рязанка — там, за леском, Тутыши эти самые — деревенька, Воздвиженское — поселок, железнодорожная станция. Отчего же всего этого как бы и нет сейчас, а только мрак, ненастье, безлюдье, глухомань? Кажется, понатыкай вдоль этого проселка фонарей — и все появилось бы, возникло как по волшебству. Неужели все дело только в электричестве и его отсутствии?

Осмотр продолжался до десяти вечера. Нет-нет да и поглядывал Колосов через плечо в сторону: где там стоял чахлый «жигуленок» пресс-центра? Ага, все еще здесь, на месте. Не уезжает. И фары его таращатся, как два глаза в ночи.

— Какие в такую погоду следы, — промокнув и вконец извозившись в грязи, бурчал Кулешов. — Все развезло.

— Завтра днем сделаем повторный осмотр, — Колосов вытер мокрое вспотевшее лицо рукавом кожаной куртки. Руки были грязные. Попытался под дождем помыть — только хуже сделал, вытер платком. — Меры примите к сохранности обстановки. Вон те кусты у дороги хорошо бы детально осмотреть. Да только сейчас ни черта не видно. Вообще здесь открытый участок. Если где и прятаться, ждаты, подкарауливать, так только в этих кустах. Листвы еще много, не опала.

— Убийца мог идти следом за отцом Дмитрием, догнать его здесь и нанести сзади удар, — сказал Кулешов. — Если б он портфель распотрошил, так и гадать было б нечего — ограбление, все ясно.

Колосов поднял портфель священника — ого, увесистый. Такую тяжесть дают только книги. Светя дополнительно карманным фонарем, он легко открыл замок, и они все склонились над портфелем. Тут же появилась и Катя — высоко подняв зонт, с которым упорно не хотела расстаться, хотя все равно промокла, вклинилась между ними. Колосова даже локтем от нетерпения толкнула — подвинулся.

— Мне за воротник капает, — сказал Кулешов.

— Извините, Николай Николаевич, — она дернула

зонт и едва не попала в глаз спицей оператору Марголину, снова включившему камеру.

В портфеле действительно были книги. Колосов достал их одну за другой, прочел название: Сократ Схоласстик «Церковная история», три тома «Вестника Московского патриархата», несколько старых номеров журнала «Православие и культура» и...

На дне портфеля лежали три пухлые денежные пачки, перетянутые банковскими резинками. Колосов извлек их. В одной были сплошь сотенные купюры, в двух других — пятисотрублевые.

Глава 3

ТРИ ОКНА

За городом осенними глухими вечерами темно, ах, как же темно! Чуть свернете с магистрального шоссе направо или налево — и точно в чернила с головой нырнете. Впереди тусклая полоса света от фар вашей машины, а по сторонам только причудливые бесформенные тени. И хоть разорвись — не угадаешь, мимо чего проезжаешь: старой дачи, сельмага, куста бузины или притаившегося у дороги косматого чудища, стерегущего добычу.

Никита Колосов вроде бы внешне совсем никак не отреагировал на то, что Катя на обратном пути в Москву села в его «девятку», а не в машину пресс-центра. По крайней мере, изо всех сил старался держаться в рамках. Ехать вдвоем с места происхождения, а тем более ночью, было, конечно же, лучше, чем одному.

— Ой, Никита, как хорошо, что именно ты выехал. Ты знаешь, я никогда здесь прежде не была, — в машине Катя юлой вертелась на заднем сиденье, пытаясь пристроить мокрый зонт так, чтобы с него не капало ей на ноги. — Мы ведь тут с Марголиным совершенно случайно оказались. В Сотникове снимали материал о деле Вавилова. И тут вдруг сообщение — убийство. И, как назло,

дождь зарядил. А я знала, что тебя здесь увижу. Жуткий случай, правда?

— Мы, Катя, только и видимся с тобой, когда кого-нибудь прикончат. Кстати, все хотел спросить тебя — как там твой муж поживает?

— Спасибо, очень хорошо.

— Спортom занимается? Не надорвался еще?

— Не надорвался, — кратко отвечала Катя. — Он у меня мальчик крепкий.

В свете фар перед машиной что-то вдруг выскочило как черт из табакерки — ошалелый заяц или кошка. Колосов резко крутанул руль, не сбавляя скорость. Он плавно нажимал на газ с каждым новым вопросом.

— Этот отец Дмитрий старенький совсем был, а я думала — молодой, — сказала Катя, явно стараясь перевести разговор ближе к теме. — Давно в области такого убийства не было. Надо же — священник. Если раскроете, то...

— Раскроем. Мы, знаешь, тоже не слабаки.

— Ой, Никита, — Катя вздохнула, — не хвались, любишь ты хвалиться. Что-то не понравилось мне сразу то, что мы увидели.

— Что ж там может понравиться? Труп, грязь, кровища?

— Мне не понравилось, что убит священник. И то, что его убийца не взял ничего из вещей, даже деньги не взял! Вы их там пересчитывали — сколько было?

— Сорок три тысячи рублей.

Катя помолчала, смотря в окно, — тьма, тьма крошечная. А ведь до Рязанки всего каких-то пятнадцать километров.

— Завтра сюда вернешься? — спросила она.

— Конечно, куда же я денусь?

— Если я с начальником договорюсь, можно и мне приехать?

— С каких это пор криминальный обозреватель пресс-службы спрашивает у розыска разрешения?

— С таких.

— Материал какой-то будет обязательно, но может